
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47)"18/19"

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.046

Люди и волки: дорожная традиция и историческая повседневность на севере европейской России в XIX–XX веках

В. А. Коршунков

кандидат исторических наук, доцент, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: vla_kor@mail.ru

Аннотация. Так называемая дорожная традиция – это условия, обстоятельства и ситуации, которыми в прежние века сопровождалось сухопутное перемещение на дальние расстояния. Опасности на российских дорогах в прошлом могли быть не такими, как сейчас. До середины XIX в. часто случались нападения разбойников. А волки представляли значительную угрозу для пеших и конных путников на протяжении долгого времени, даже в XX в.

Волками и их поведением занимаются зоологи и охотоведы. Ученые-гуманитарии обычно не обращают внимания на эту угрозу, которая была присуща повседневной жизни миллионов людей в России. Только в 2018 г. вышла первая монография о волках в контексте русской культуры.

В этой статье изучены некоторые зафиксированные письменными источниками случаи нападения волков на дорогах. Источниками послужили мемуарные тексты, а также архивные документы, в которых имеются описания таких нападений. Кроме того, ущерб от волков фиксировался статистической, которая к середине XIX в. уже имела в большинстве губерний Российской империи. В статье используются конкретные материалы, связанные с Вятским краем и шире – северными территориями европейской России. Эти данные относятся преимущественно к XIX и первой половине XX в., когда в сельской местности во многом сохранялся традиционный уклад жизни (и традиционные средства передвижения). С другой стороны, тогда уже имела хорошая возможность узнавать, запоминать и записывать дорожные происшествия и нападения.

На севере европейской части России, где дороги пролегали через малолюдные места по бескрайним лесам, водилось много агрессивных волков. Несмотря на неточности статистических сведений и мемуарных описаний, можно утверждать, что нападения хищников на дорогах и в самом деле происходили нередко. Более всего страдали дети и подростки. Некоторые местные жители (например, ямщики) приспособились к этой угрозе, зная, в каких ситуациях и когда именно волки опасны, а когда не очень. А на тех путешественников (иностранцев и русских), которые плохо ориентировались в обстановке, волчий вой вблизи дороги производил весьма сильное впечатление, и это находило отражение в текстах, ставших теперь историческими источниками. Волки были опасны и при обычном своем поведении и тем более, когда заболели бешенством. Волчья угроза постоянно сопровождала повседневную жизнь миллионов людей в нашей стране. Простые люди воспринимали этих хищников мифологизированно. Широко распространялись поверья о нашествии в военные годы волков особенного облика («с гривами»). Тем самым страшный хищник связывался в сознании людей со страшным временем – изнурительным, голодным, кровавым.

Ключевые слова: дорожная традиция, повседневная жизнь, волки, дорожное движение, дорожные инциденты, мемуары, архивные документы.

В последние десятилетия стала изучаться дорожная традиция России прошлого времени (иначе «культура дороги»), то есть условия, обстоятельства и ситуации, которыми сопровождалось сухопутное перемещение на дальние расстояния [13; 14; 33]. При таком рассмотрении внимание, прежде всего, концентрируется на трудностях и препятствиях, которые в этих случаях непременно возникали перед путешественниками. Кроме всех прочих неудобств, тягот, опасностей, пешим и конным путникам грозили нападения, при которых они могли лишиться не только имущества, но и жизни. Вплоть до XIX в. на больших дорогах и

судоходных реках России встречалось немало разбойников, объединявшихся в шайки даже по несколько десятков человек. Разбойники были хорошо вооружены, причем не только обычным холодным и огнестрельным оружием, но иной раз и небольшими пушками. К середине XIX в. эта угроза мало-помалу сходилась на нет. Оставался масштабный воровской промысел: организованные группы лихих людей мастерски срезали поклажу с проезжавших саней. Стычки и даже смертоубийства при этом по-прежнему случались, но уже как бы наоборот: ямщики и обозные мужики не давали пощады таким ворами [14, с. 324–423]. Что ж, хотя бы гибель в придорожной канаве купца, горожанина, чиновника, зажиточного крестьянина от ножа злодея перестала быть обыденностью. Однако нападать на безлюдной дороге умеет не только человек, но и дикий зверь. Волки и в XX в. оставались серьезной угрозой для людей и лошадей.

О поведении волков имеется на русском языке несколько книг и брошюр, а также немало статей, написанных зоологами и охотоведами. Но в этих работах ракурс рассмотрения специфичен: авторы исходят из практических надобностей борьбы с волками и охраны от них скота. А ученые-гуманитарии обычно не задаются целью изучения этой угрозы, отравлявшей повседневную жизнь миллионов российских подданных. Только в 2018 г. вышла книга американского слависта Иэна Хелфанта о волках в контексте русской культуры, ставшая первой монографией по этой теме. Хелфант отмечал, что в России, в отличие от многих других стран, «волчья проблема» и в сравнительно позднее время оставалась актуальной: этих хищников было множество, их постоянное присутствие нужно было учитывать, людям необходимо было от них защищаться. Но его интересовал образ волка, и он исследовал этот образ, главным образом, по произведениям русской литературы 1861–1917 гг., в которых зверь мало-помалу начинал изображаться как гонимое существо, которое могло вызывать понимание и сочувствие. Хелфант разбирал художественные тексты Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и других писателей, добавляя сведения из мемуаров и прессы, чтобы выяснить особенности символического восприятия волка в русской культуре [35].

Для этой статьи избран гуманитарный (а не зоологический и охотоведческий) угол зрения. Однако и такой аспект, когда внимание обращается на *культурную символику образа*, не станет здесь преобладающим. Будут рассмотрены некоторые запечатленные письменными источниками случаи нападений волков (свершившихся или только назревавших). Они представляют интерес именно в контексте дорожной традиции, так что иные ситуации (например, когда волки, забегая в деревни, убивали собак, резали домашний скот и могли покусать людей) лишь указываются. Экономический ущерб тоже останется вне изучения.

Источниками служат мемуарные тексты, а также выявленные архивные документы, в которых имеются описания нападений волков. Кроме того, нападения фиксировались статистикой, которая к середине XIX в. уже была налажена в большинстве губерний Российской империи. В советское время такие данные не публиковались. Разумеется, статистические данные заведомо неполны: далеко не все случаи можно было учесть. Тщательнее учитывались те набеги хищников, которые заканчивались гибелью людей. Поэтому, если есть такая возможность, следует интересоваться не столько количеством нападений, сколько тенденциями – например, возрастала или уменьшалась опасность для путников¹.

На севере европейской части России, где холода долгие, а население редкое, в лесных чащах водилось множество волчьих стай. Местные жители, выходя или выезжая из дома, всегда имели в виду опасность нападения волков. Соответственно, в этой статье рассматриваются материалы, связанные с Вятским краем и шире – северными территориями европейской России. Как раз в г. Кирове (Вятке) расположен Всероссийский (прежде – Всесоюзный)

¹ Доктор биологических наук, охотовед, известный специалист по этологии (науке о поведении зверей) С. А. Корытин (1922–2012), изучая нападения волков на людей, использовал публиковавшуюся в «Журнале Министерства внутренних дел» статистику за 1840–1861 гг. Формализованные данные по разным губерниям Российской империи, процентные соотношения, некоторые из приведенных там случаев, в которых выявлялись важные для этолога обстоятельства, он анализировал с позиции знатока волчьего поведения, причем выбирал только те ситуации, когда звери, судя по описаниям, не были больны бешенством. Подходивших под такой критерий нападений на детей за этот период, по его подсчетам, оказалось 221, а на взрослых – 52 [15]. Определить, здоровым был зверь или больным, используя статистические данные середины XIX в. (которые восходят к пережившим сильный стресс людям и прошли несколько чиновничьих инстанций), нелегко, даже когда этим занимается специалист-зоолог столь высокого уровня, как С. А. Корытин.

научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства имени профессора Б. М. Житкова, специалисты которого занимались изучением волков и их поведения. Один из видных ученых этого института М. П. Павлов (1920–2009) обращал внимание, что, судя по нападениям на людей, когда-то в Вятской губернии и позже на той же территории, в Кировской области, обитали особенно злобные волки [22, с. 159].

Использованные в статье данные относятся преимущественно к XIX и первой половине XX в. Тогда в сельской местности во многом еще сохранялся традиционный уклад жизни (и традиционные средства передвижения), а с другой стороны, имелась хорошая возможность узнавать, запоминать и записывать дорожные происшествия и нападения хищников.

В 1653 г. французский хирург П. М. де Ламартиньер в составе датской экспедиции проезжал с Печоры через Уральские горы на Обь. В своем дневнике он упоминал о медведях и волках: «Их так много, что мы постоянно были в страхе... ежеминутно ожидая нападения, хотя, оказывается, они нас столь же боялись, как и мы их...» [см.: 11, с. 29]. Если на датчан с французом звери так и не покусились, то на хорватского ученого богослова Юрия Крижанича через несколько лет в тех же краях налетела большая волчья стая. Он в начале 1661 г. направлялся в сибирскую ссылку с группой попутчиков. Зимний путь пролегал по Уралу. Отбивались они, как только могли, стреляли из пищали, но все же одну из лошадей уступили хищникам [26, с. 116–118].

От столь давней эпохи сохранились лишь единичные сведения о волчьих атаках на проезжавших путешественников. Гораздо больше нам известно о том, как обстояло дело с волчьей опасностью уже в XIX в. и позже.

В декабре 1856 г. литератор и этнограф С. В. Максимов путешествовал в кибитке с ямщиком из местных по глухим местам на севере Архангельской губернии. В своей книге он приводил такой случай:

«Ночью как-то вой волков разбудил меня и обдал всего холодным потом.

– Гони, ямщик, скорее: погибаем!

Ответа не было. Казалось, ямщик дремал себе беззаботно и так крепко, что не слышал зловещего, леденящего душу воя. Лошади бежали труском.

– Гони лошадей: волки воют!

– А пуцай их!

– Съедят, чудак, в ключья разорвут. Гони скорей, если дорога тебе жизнь! Опомнись – не спи!»

Однако ямщик сохранял спокойствие, лишь спросил седока: «Нешто у вас они страшны, там... в Расее-то?» И добавил, что здесь волки сытые, «олений режут», потому и не страшны. Да еще стреляют по ним – вот те и опасаются. «А то бы человека?! Сорок годов живу, не слыхивал, чтобы этого, никогда...» Послушать ямщика, так самым свирепым хищником в тех краях был комар: «Девоньку вон с братишком на тундре (тундре) комары заели – это было. Комаров у нас летом живет несосветимое много: деться некуда» [16, с. 343–344].

Максимов (как и те иностранцы за пару веков до него) – человек столичный, образованный. Его на пустынной дороге очень беспокоил ближний волчий вой. А местному жителю, тем более ямщику, который постоянно разъезжал туда-сюда по заснеженной тайге, вроде и не страшно было. Ведь и правда: нападения тогда не произошло. Интересно, что у славян, как и у некоторых других народов, встреча на пути с волком вообще-то сулила удачу [2, с. 155; 17, с. 285; 18, с. 57].

В архив Русского географического общества в середине XIX в. был прислан образец вятского говора, выполненный в виде очерка-зарисовки. Итак, зима, Святки, раннее утро. Крестьянская изба. Старуха и ее дочь, женщина лет сорока, поджидают своих домашних: мужчины уже четверо суток в дороге. Вот, наконец, во дворе стукнуло-брякнуло – приехали, значит. Женщины спрашивают, что же так долго-то? Один отвечает: «Издили, да чуть голову не произдили». Оказывается, волки напали: «Набежала чела арда, да куоньям-то под губу» (целая орда). И на людей тоже стали бросаться. Пришлось стать спиной к спине и отбиваться – «чуть ли не пол-уповода» (уповод – несколько неопределенное, но протяженное количество времени, с утра до завтрака, от завтрака до обеда и так далее [1, с. 327; 20, с. 165]). Потом звери все-таки отступили: «Ушли жо окаянные: провал бы их взел». Старик-сосед, выслушав, добавил, что возле деревни тоже шастает с десятков волков – жеребца растерзали. С чего бы так много волков стало? А потому, что нечистая сила гонит их по этой местности к себе в гости! [см.: 30, с. 146]. Волки – в подданстве «нечистой силы», да и сами они подобны мифологической «нечисти».

Житель с. Лазарева Шурминского района Кировской области И. М. Помыткин в автобиографическом рассказе «“Сладкая” каторга» (датированном 1958-м г.) вспоминал, как он

подростком в 1908–1909 гг. работал в Уржуме в мастерской. В начале 1909 г. за ним из расположенной неподалеку деревни приехал отец, чтобы забрать домой. Выехали они из Уржума в ночь. «Перед рассветом мы встретили трех волков, но отец зажигал пучки соломы так, что их это отгоняло. И мы на рысях въехали в свою деревню» [25, текст 44, л. 6].

Священник Вячеслав Якобс (ставший впоследствии митрополитом Корнилием) в 1950-х гг. служил в Вологде. Ему часто приходилось выбираться в отдаленные места Вологодчины. В своих воспоминаниях он писал о трудностях пешего пути по дорожкам посреди заснеженных полей – и не о волках, а об одичавших собаках: «Зимой там особенно трудно пешком ходить – нужно строго придерживаться дороги, проложенной через поле, она утоптана, а если сойдешь вправо-влево, можно в снег провалиться по пояс и даже глубже, да и неизвестно, как оттуда выберешься. А иногда и опасно – бегали одичавшие собаки, которые могли напасть» [12, с. 87].

Возможно, запомнившиеся Корнилию бесхозные псы, готовые загрызть человека, развелись в Вологодской области в середине XX в. из-за полного разорения крестьянских хозяйств, которое началось задолго до того, а в голодные 1940-е только усугубилось. Вообще известно, что много хищного зверья плодится в годы социально-экономических неурядиц и войн. Нарастание волчьей опасности – признак социальной и экономической катастрофы. Знаменитый писатель-натуралист Л. П. Сабанеев в 1877 г. утверждал, что размножение волков случается «только в периоды упадка народного благосостояния, в эпохи бедствий и войн по преимуществу, как роковое и неизбежное последствие всякой неурядицы...». Приводя эти слова Сабанеева, зоолог-охотовед М. П. Павлов добавлял: «За мою многолетнюю охотничью практику дважды наблюдалось засилье волков в центральных областях европейской части страны: в годы Великой Отечественной войны и в период застоя в народном хозяйстве, ставшего характерным для 70-х годов» [22, с. 30–31]. Едва ли «период застоя» оказался несчастьем, сопоставимым с великой войной, но волки и вправду – животные-индикаторы бедственного положения в государстве и обществе.

Вскоре после 1917 г., по словам изучавшего охотничьи традиции удмуртов А. Е. Загребина, «многие крестьянские общества испытали на себе настоящий террор со стороны волчьих стай». По официальным данным, урон от их нападений исчислялся сотнями голов скота, и это лишь в пределах небольшой части бывшей Вятской губернии – Вотской области (нынешней Удмуртии). В 1927–1928 гг. они там уничтожили 675 голов крупного рогатого скота, 14 лошадей и 520 других домашних животных. Нападали и на людей. Они стали даже в города забегать [7, с. 8].

Популярный литератор М. М. Зоценко в 1925 г. опубликовал в журнале «Смехач» фельетон под названием «Вятка», в котором со ссылкой на «Красную газету» прокомментировал героическую победу храброго вятского дворника. Тот на улице города смог задушить одного матерого волка (второй убежал в лес). Фельетон начинается так: «Вятка город провинциальный. В Вятке волки по улицам бегают. Там даже поговорка сложилась: волков бояться – по центральной улице не ходить».

В 1924 г. два бешеных волка покусали вечером на улицах г. Вятки 20 человек, из которых 10 умерли [22, с. 137]. В 1926 г. ночью по Вятке прошла стая бешеных волков, для отстрела которых были срочно собраны охотники. Тогда прямо на улице города в схватке с хищником погиб один человек [5, с. 13].

В 1925 г. епископ Дмитровский, викарий Московской епархии Серафим (Звездинский, 1883–1937) поселился в женском Борисоглебском Аносине монастыре (в д. Аносино нынешнего Истринского района Московской области). По воспоминаниям тамошних монахинь, зимой 1925–1926 гг. обнаруживались «следы волчьих возле самых домов». Было опасно «отойти подальше от крыльца в сумерки...». Из-за бездорожья сестры и владыка до села и в церковь добирались на лыжах. Епископ Серафим в день Николы Зимнего, 6 декабря, катаясь на лыжах с горы, чуть не налетел на волка. Как-то раз среди зимы случилась сильная оттепель, а Серафиму с сопровождающими нужно было выезжать на санях. «Вечеру, только отъехали версты четыре от станции Кубинка, как лошадь, смиренная и послушная, вдруг рванулась и – на дыбы, так что лопнули вожжи. “Что? В чем дело?” – “Видно, волки близко, – сказала наша возница препростая Доминика, – вон блестят глаза!” Ехать быстро нельзя, дорога талая, лошадь проваливается. А волки забегают вперед, кидаются навстречу. Испугать бы их, зажечь бумагу – они огня боятся. Но спички отсырели, ничего сделать не можем. “Волк бежит за нами”, – закричала Доминика. Оглянулись, видим зверя – вроде крупного пса. Застучали, закричали мы, – волк с дороги в кусты. Тревожно и жутко. Тьма кругом и лес... Минута часом кажется.

Добрались кое-как до поворота к нашей пустыни и вдруг – оглобля треснула. Владыка вышел из саней и, утопая в сугробах, пошел пешком, а мы – за ним. Но, слава Богу, Бог милостив: добрались и до пустынного дома...» (то есть до дома в своем монастыре) [6, с. 397–398].

Г. И. Шоломов (1937–2021), живший в Кировской области, вспоминал: «В войну было очень много волков в лесах (даже, говорили, были шакалы). Но мы как-то не боялись. Летом я, например, один ходил за грибами, и в голову не приходило, что надо бояться волков». Но, по его словам, волки в те годы летом, по ночам все же нападали на пасущихся в лугах лошадей. «Приходили охотники иногда из города с ружьями, но ни одного волка, по-моему, не убили. Волки по ветру чувствовали запах охотников и близко не подходили» [32]. Интересно, каких зверей вятские деревенские жители (либо только мальчишки) в 1940-х гг. называли шакалами, тем самым отделяя их от обычных волков? Может быть, одичавших собак? Или «гривастых» волков (о них далее)?

Жительница Эстонии Т. Б. Кашнева была арестована накануне нападения Гитлера на СССР, 16 июня 1941 г., и выслана с членами семьи в Лебяжский район Кировской области. Впоследствии она вспоминала о зимней поездке ее родственников из д. Фоминых в с. Окунево. Когда заехали в лес, «ранняя зимняя ночь уже стерла все очертания». До них уже давно доносился волчий вой, «а теперь мама и Аля увидели среди черных молчаливых елей огоньки голодных глаз». Лошадь испугалась и понесла, волки помчались следом. На ухабах сани сильно мотало, люди с трудом держались, чтоб только не выпасть. «А огоньки все ближе и ближе – скорей бы деревня. Уже видны заснеженные крыши избышек. Аленушка, сокращая дорогу, с остервенением гонит прямо к речке. Вдруг некрепкий еще лед ломается. Войдя в ледяную воду, Аля вытаскивает на берег под уздцы взмыленную дрожащую лошадедку. Хорошо, что здесь неглубоко. Мама и дети промокли только наполовину, но вода залила все вещи...» [10, с. 30–31].

Т. С. Шильникова (1920 г. р.), рассказ которой был записан краеведом Л. М. Романенко, в годы войны работала в Кировской области. Ей приходилось много ходить и ездить. Шильникова вспоминала случай, когда зимой нужно было добраться в Шалеевский сельсовет Макарьевского района, и она решила «пойти не по большой дороге, а напрямую». И вот в сумерках среди поля – такая встреча: «Вдруг вижу: далеко впереди что-то чернеет, это что-то двигается в мою сторону. По силуэту и не человек, и не лошадь – не могу понять. Возвращаться назад уже далеко. И страшно, но делать нечего, продолжаю свой путь. Когда расстояние между нами сократилось, вижу – навстречу мне идет мужчина и что-то несет на руках, точнее, кого-то, руки свешиваются почти до земли. “Это Валька, – объяснил он, кивком головы указывая на свою ношу, – наша почтальонша. Волки горло перегрызли. Я отогнал волка, но уже поздно. Он убежал под ближний стог”. На руках мужчина держал тело девочки-подростка лет 12, все в крови. Это была дочка почтальонши, которую мать послала по ближним деревням разнести почту. Она ей всегда помогала, ничего не случалось, но сегодняшний день оказался роковым. До большой дороги, где ходят люди и ездит транспорт, еще далеко. Идти одной мне было очень страшно». Та жуткая встреча накрепко запала Шильниковой в память, хотя подробности она, судя по всему, могла выяснить и позднее: «Эту командировку я запомнила на всю жизнь» [28, с. 74–75].

По данным, собранным ученым-охотоведом М. П. Павловым, нападения волков-людоедов в Кировской области происходили в заметном количестве с 1944 г. и до начала 1950-х, последние зафиксированные случаи были в 1953 г. В конце Великой Отечественной войны волки снова, как в 1920-х гг., начали появляться даже на улицах областного центра [22, с. 142–148, 156].

В большинстве приведенных свидетельств нападения происходили в зимнее время. Есть устойчивое мнение, что волки ведут себя активнее и становятся особенно агрессивными зимой, когда морозно, а корма становится меньше и добыть его труднее. Такое представление закрепилось в народной традиции. Славяне издавна считали: период, когда волки наиболее опасны (совпадающий, кстати, с разгулом «нечистой силы»), длится с осени до весны. У восточных славян это чаще всего время с осеннего Юрия до весеннего Юрия, то есть с 9 декабря до 6 мая (по новому стилю) [2, с. 132–135]. Однако зоологи-охотоведы указывают, что нападения на людей чаще случаются в теплый период года [22, с. 152–153; 15, № 7, с. 13]. Получается, что в обыденном сознании людей волки до сих пор ведут себя вопреки биологическим закономерностям, зато в соответствии с древним мифологическим восприятием этих хищников.

Согласно официальному отчету о происшествии в Вятской губернии, посланному из Вятки в Центральный статистический комитет в Санкт-Петербурге, 2 февраля 1869 г. «на дороге» близ починка Аршинского в Рыбинской волости Орловского уезда волк покусал крестьян

Матвея Шихова и Козьму Мухина. «У первого исцарапал на голове кожу до кости и искусал нос, левую ногу и руку, а у второго левую щеку, висок и правую руку. Означенный волк в тот же день убит из ружья кр[естьянином] Ильей Измествевым» [31, ф. 582, оп. 60, д. 288, л. 57]. Судя по обстоятельствам случившегося, волк мог быть бешеным. Специально присланный лекарь обследовал пострадавших. Он счел, что те легко отделались. По его определению, раны незначительны, уже совсем зажили, и оба крестьянина «совершенно здоровы, припадков бешенства с ними не было» [31, ф. 582, оп. 60, д. 288, л. 51]. Однако спустя полтора месяца после схватки с волком брат Козьмы Мухина Трофим сообщил: Козьма «пришел в сумасшествие, выбив в окне окончину, выскочил на улицу и убежал в лес; оттуда, чрез несколько времени возвратясь с деревянным стягом, замахивался оным на Трофима и селенцов его, обещаясь убить домашних своих, за что селенцы связали его и представили к нему караул». Трофим слышал от больного брата, будто накануне «прихода в сумасшествие», когда тот рубил в лесу дрова, ему там «показался какой-то мужик, и с того времени у него вновь заболели раны, нанесенные волком». Вскоре Козьма Мухин помер [31, ф. 582, оп. 60, д. 288, л. 55–55 об.]. Возможно, люди подумали, что это был волк-оборотень, раз он смог о себе напомнить Мухину, показавшись тому в облике мужика.

Бешеные волки очень опасны. Они ничего не боятся, их влечет ближе к селениям, они сходу набрасываются на домашних животных и людей [22, с. 165]. Однако специалисты – зоологи и охотоведы – утверждают, что нападать на людей способны не только заболевшие бешенством звери, но и вполне нормальные. Такие тоже опасны: они действуют целеустремленно и расчетливо [15].

Волк – одно из самых мифологизированных животных [9; 34; 36; 37], в том числе у славян. В народных рассказах волки нередко характеризуются подобно мифологическим персонажам – как «нечистая сила» [2, с. 122–159; 4; 17; 18; 19]. У славян были распространены поверья о том, что с помощью колдовства человека можно превратить в волка-оборотня – волколака (волколдака), на время или навсегда. В зверином обличье такой оборотень сохраняет разум [3; 38].

В Архангельской области, на Каргополье (в нескольких районах возле г. Каргополя) собиратели фольклора в конце XX и начале XXI в. записали почти сотню рассказов о том, что во время Великой Отечественной войны в тех краях во множестве появились волки, причем особенного обличья – «гривастые волки» или «волки с гривами». В этих историях сочетаются реальные обстоятельства жизни военных лет и легендарные подробности. Люди говорили, что причиной нашествия необычных зверей стали военные действия. Изучавший эту тему фольклорист и этнограф А. Б. Мороз предположил, что на такой облик волков в народных рассказах могла повлиять традиционная северорусская домовая роспись (наивного стиля), в которой гривастыми изображаются львы, похожие на хорошо знакомых крестьянам волков. Он также отметил, что в повести М. М. Пришвина «Мирская чаша» (1922) в реплике одного из персонажей упомянуты «волки с гривами» [20].

В «Мирской чаше» Пришвина отразились реалии хорошо знакомой автору Смоленской губернии. Так что и на Смоленщине тоже передавались поверья о гривастых волках, причем задолго до Великой Отечественной, зато сразу после опустошительных событий, начатых Первой мировой войной.

Гривастые волки (по-русски чаще «гривистые») действительно существуют. Это хищные животные, внешне более сходные с лисами, они обитают в Южной Америке. Однако те люди, которые рассказывают о гривастых волках в России, разумеется, имеют в виду не их.

Такие поверья выявляются в Кировской области и прилегающей к ней Удмуртии. В 2016 г. на портале «Родная Вятка» несколько человек обсуждали эту тему. Дескать, по воспоминаниям старожилов, во время Великой Отечественной войны в вятских лесах развелось множество волков необычного обличья – «с гривами». Вот одна из реплик: «Мой папа тоже вспоминает, что в войну к нам пришли волки с длинными гривами. Говорит, их “пригнала” сюда война. Я копался в интернете, но биологи не подтверждают наличие в природе такого вида волков. Однако не верить воспоминаниям своего отца не могу, он их видел лично. Отец вспоминает, что к ним прямо в деревню (Фаленский район, граница с Удмуртией), в открытую ограду, летом в обед зашли два таких волка. <...> Эти волки были с гривами, как у лошадей. Гривы доставали почти до земли. Потом эти гривастые волки куда-то ушли». Участвовавшая в обсуждении женщина-охотовед привела ссылку на другой интернет-ресурс, где охотник передавал рассказ о гривастых волках в Оренбургской области, и пояснила: «У волков

остевые волосы на загривке достигают длины до 13 см и заметно выделяются на фоне общего волосяного покрова. А у агрессивного настроенного зверя вообще шерсть встает дыбом»; «Наши вятские волки лесного кряжа² имеют довольно густой и пышный волосяной покров. У самцов ость на загривке выше. А если зверь видит человека или другую опасность, он, конечно, шерсть подымет на загривке, это уж такая реакция поведенческая. Ну, Вы собаку озлобленную видели (волкоподобного типа)? Как она выглядит, какая у нее шерсть вздыбленная на загривке? Ну, и плюс “у страха глаза велики”. Хотя не дай Бог такое в лесу встретить, еще и безоружным». Обсуждая эту тему, перешли на более распространенные рассказы-воспоминания о волках в те военные годы. Одна женщина написала, что ее бабушка, жившая в Котельничском районе, «рассказывала об огромном количестве волков во время войны и к ее концу. Очень боялись ходить по лесу. Собирались по несколько человек, последний привязывал к поясу длинную веревку, которая тянулась сзади по снегу, якобы волки думали, что это петля, и не нападали». А вообще, отправляясь в пеший путь, деревенские в те годы брали с собой солому и дефицитные во время войны спички, чтобы огнем отгонять хищников [27].

Что же касается ассоциации волков (непривычного облика) с военными бедствиями, то в Вологодчине, соседней с Архангельской областью (там записано много таких рассказов), известно поверье: волки прокладывают свои тропы туда, где будет война. В той же Вологодской губернии (и еще в другой населенной славянами стране – Македонии) знали: множество волков сулит войну [2, с. 156]. Правда, в Каргополье, куда Великая Отечественная не докатилась, некоторые люди толковали иначе: дескать, такие волки в наши леса с запада прибежали, спасаясь от войны. В любом случае, волки в народных рассказах связывались с тяжким и кровавым военным временем. Это распространенная точка зрения, которая отчасти основана на реальном увеличении количества диких зверей, и особенно хищных, просто потому, что тогда их перестали регулярно отстреливать. Например, в соседнем с Вяткой Прикамье люди вспоминали: приметой скорой войны стало то, что лесные звери начали забегать в деревни, а волки сильно расплодились и принялись часто выть [23, с. 19].

Получается, что поверья о «гривастых» волках отмечены в Архангельской, Смоленской, Оренбургской, Кировской областях и Удмуртии. Похоже, до сих пор никто из ученых, кроме А. Б. Мороза, не обращал внимания на этот фольклорно-мифологический мотив. При столь обширном географическом распределении можно не сомневаться, что целенаправленное полевое исследование принесет немало быличек и иных устных текстов о необычных на вид волках в военное время.

Еще один признак мифологического восприятия волка – распространявшиеся в народе заговорные тексты, которые надо было произносить при встрече на пути с волком. Ему советовали идти своей дорогой, а у человека, мол, тоже дорога своя – другая. Его спрашивали, где тот был, когда Христос родился (либо крестился) или же когда Христа распинали – и тем самым ставили себя под защиту Бога [2, с. 152–153; 24, № 395–401]. Согласно свидетельству В. Н. Добровольского, «волк, по мнению крестьян Смоленской губернии, легко поддается заговорам и внушениям» [4, с. 135].

Постоянная волчья опасность для путников существовала не только в лесных северных губерниях. На юге Российской империи, в степных местностях, тоже приходилось остерегаться нападений, особенно зимой и в метель. Надворный советник П. П. Свиньин летом 1816 г. составил описание Бессарабии. По его словам, не раз бывало, что солдаты, посланные из одного селения в другое, теряли дорогу, начинали блуждать в бескрайних заснеженных просторах и погибали «не столько от стужи, сколько от волков и голода» [29, с. 374]. Видный сановник Д. А. Оболенский в 1854 г., в конце зимы, добирался из Новочеркасска в Ростов-на-Дону. В его дневнике есть запись о встретившейся ему компании молодых грузин, произведенных в офицеры: «...Они едут на трех тройках и потому более безопасны от стай гуляющих волков». Оболенский добавил услышанный рассказ, как на днях от волков на дороге еле-еле отбилась одна фельдшер, которому повезло: как раз подоспела почтовая повозка [8, с. 55–56].

Итак, хищные звери представляли значительную угрозу для пеших и конных путников издавна и, по крайней мере, до середины XX в. На севере европейской части России, где дороги пролегали через малолюдные места по дремучим лесам, водилось много агрессивных волков. Несмотря на неточности статистических сведений и мемуарных описаний, можно утвер-

² Кряжем специалисты-товароведы называют тип «пушно-меховых качеств» волчьей шкуры [22, с. 36].

ждать, что нападения хищников на дорогах и в самом деле происходили нередко. Более всего страдали дети и подростки. Некоторые местные жители (например, ямщики) приспособились к этому, зная, в каких ситуациях и когда именно волки опасны, а когда не очень, и как с ними нужно обходиться. А на тех путешественников (иностранцев и русских), которые плохо ориентировались в обстановке, волчий вой вблизи дороги производил весьма сильное впечатление, и оно затем находило отражение в текстах, ставших теперь историческими источниками. Эти сильные, умные, смелые животные были опасны и при обычном своем поведении и тем более, когда заболели бешенством. Волчья угроза постоянно сопровождала повседневную жизнь миллионов людей в нашей стране, и простые люди воспринимали этих хищников мифологизированно. Широко распространялись поверья о нашествии в военные годы волков особенного облика («гривастых», «с гривами»). Тем самым страшный хищник связывался в сознании людей со страшным временем – изнурительным, голодным, кровавым.

Список литературы

1. Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка : Губ. тип., 1907. 357 с.
2. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М. : Индрик, 1997. 912 с.
3. Гура А. В., Левкиевская Е. Е. Волколак // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 418–420.
4. Добровольский В. Н. Суеверия относительно волков // Этнографическое обозрение. 1901. Кн. 51. № 4. С. 135–136.
5. Дубовцев В. А. Как организовать приют. [Кирово-Чепецк] : Кирово-Чепецк. филиал ОАО «Кировская обл. тип.», [2008]. 20 с.
6. Епископ Серафим (Звездинский) в Аносиной пустыни // «Женская Оптина» : материалы к летописи Борисо-Глебского женского Аносина монастыря / сост. С. и Т. Фомины. М. : Паломник, 1997. С. 397–411.
7. Загребин А. Удмуртская охота: к проблеме трансформации идеи и технологии // Финно-угроведение. 2004. № 1. С. 3–19.
8. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб. : Нестор-История, 2005. 504 с.
9. Иванов В. В. Волк // Мифы народов мира: энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 242.
10. Кашнева Т. Б. Земная коротка наша память... Невыдуманная повесть. Таллинн : Александра, 1993. 224 с.
11. Колбас В. С., Зиновьев А. П. «Сказания» иностранцев XVI–XVII веков об Урале : сб. ст. Пермь : [Б. и.], 1998. 51 с.
12. Корнилий, митр. Таллинский и всея Эстонии. О моем пути. Таллин : [Б. и.], 2009. 256 с.
13. Коршунков В. А. Дорожная традиция России: поверья, обычаи, обряды. М. : Форум, 2015. 240 с.
14. Коршунков В. А. Путь сквозь века и земли: дорожная традиция России. М. : Редкая птица, 2020. 624 с.
15. Корытин С. О людоедстве волков // Охота и охотничье хозяйство. 1990. № 6. С. 6–7; № 7. С. 12–14.
16. Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. 607 с.
17. Мишин П. И. Образ волка в магических практиках белорусского Подвинья // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў. Электронны зборнік навуковых артыкулаў IV міжнароднай навуковай канферэнцыі да 50-годдзя Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта / Пад агульнай рэдакцыяй І. Корсак. Наваполацк : Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт, 2018. С. 281–289. URL: <http://elib.psu.by:8080/handle/123456789/23096> (дата обращения: 17.11.2021).
18. Мишин П. И. Эволюция магико-ритуальных практик, связанных с образом волка // Вестник Полоцкого гос. университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2005. № 1. С. 55–61.
19. Мороз А. Б. Волк в южнославянской народной культуре: человеческое и демоническое // Миф и культура: человек – не-человек : тез. конф, ноябрь 1994 г. / редкол.: Л. А. Софронова, Л. Н. Титова. М. : Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1994. С. 30–32.
20. Мороз А. Б. Гривастые волки в Каргополье // Русский Север: по страницам летописи веков Каргополья : авторский сб. ст. / науч. ред. и сост. Н. И. Решетников. М. : Т-во исследователей Рус. Севера, 2014. С. 106–137.
21. Областной словарь вятских говоров. Киров : ООО Изд-во «Радуга-ПРЕСС», 2017. Вып. 11 [Под ред. З. В. Сметаниной]. 260 с.
22. Павлов М. П. Волк. Изд. 2-е., перераб. и доп. М. : Агропромиздат, 1990. 351 с.
23. Подюков И. А., Свалова Е. Н. Образ войны в народном представлении (по диалектным и фольклорным материалам Прикамья конца XX – начала XXI в.) // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 3 (23). С. 17–27.
24. Полесские заговоры (в записях 1970–1990-х гг.) / сост., подгот. текстов и коммент. Т. А. Агапкиной, Е. Е. Левкиевской, А. Л. Топоркова. М. : Индрик, 2003. 752 с.

25. *Помыткин И. М.* «Сладкая» каторга (Машинопись). Кировский обл. краеведческий музей. Библиотека. Материалы фольклорного фонда И. А. Мохирева. Папка 18 : Легенды, аллегории, притчи. Предания, сказы, воспоминания.
26. *Пушкарев Л. Н.* Юрий Крижанич: очерк жизни и творчества. М. : Наука, 1984. 214 с.
27. Родная Вятка : краеведческий портал. URL: <https://rodnaya-vyatka.ru/forum/91723> (дата обращения: 17.11.2021).
28. *Романенко Л. М.* Любовь с первого взгляда : сб. рассказов. Киров : Территориальный орган Федеральной службы гос. статистики по Киров. обл., 2010. 84 с.
29. *Свиньин П. П.* Описание Бессарабской области // *Stratum plus* : международный журнал по археологии и культурной антропологии. 2001–2002. № 6. С. 342–413.
30. *Трушкова И. Ю.* Женщина и мужчина в традиционной культуре русских Вятского региона: гендерные портреты. М. : ВятГУ, 2009. 300 с.
31. Центральный государственный архив Кировской области.
32. [*Шоломов Г. И.*] Повесть о пережитом: мое советское детство в деревне Шоломы, Зуевского района, Кировской области. Ч. 1. URL: <https://rodnaya-vyatka.ru/blog/15633/133956> (дата обращения: 14.11.2021).
33. *Щепанская Т. Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М. : Индрик, 2003. 528 с.
34. *Dunningan A.* Wolves // *Encyclopedia of religion*. 2nd ed. / ed. in chief Lindsey Jones. Detroit [et al.] : Thomson Gale, 2005. Vol. 14. P. 9783–9785.
35. *Helfant, Ian M.* That savage gaze: wolves in the nineteenth-century Russian imagination. Boston, MA. : Academic Studies Press, 2018. XXVI + 174 p.
36. *Kõiva M.* The wolf: human/non-human relations on the basis of etiologies and verbal communication // *Folklore : electronic journal of folklore*. 2019. Vol. 77. P. 181–198. URL: <http://www.folklore.ee/folklore/vol77/koiva.pdf> (дата обращения: 30.12.2021). DOI: 10/7592/FEJF2019.77.koiva.
37. *Mencej M.* Gospodar volkov v slovanski mitologiji. Ljubljana : Oddelek za etnologijo in kulturno antropologijo, Filozofska fakulteta, Univerza v Ljubljane, 2001. 331 s.
38. *Mencej M.* The werewolf as a religious and ethnic other in a Herzegovinian legend // *Folklore : electronic journal of folklore*. 2019. Vol. 77. P. 91–114. URL: <http://www.folklore.ee/folklore/vol77/mencej.pdf> (дата обращения: 30.12.2021). DOI: 10/7592/FEJF2019.77.mencej.

People and wolves: the road tradition and historical daily life in the North of European Russia in the 19th – 20th centuries

V. A. Korshunkov

PhD in Historical Sciences, associate professor, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: vla_kor@mail.ru

Abstract. The so-called road tradition is the conditions, circumstances and situations that in previous times accompanied long-distance land travel. The dangers on Russian roads in the past may not have been the same as they are now. Until the middle of the 19th century robbers often attacked. Wolves posed a significant threat to foot and horse travelers for a long time too, even in the 20th century.

Zoologists and hunting specialists deal with wolves and their behavior. Humanitarians usually do not pay any attention to this threat, which was inherent in the daily life of millions of people in Russia. Only in 2018 the first monograph on wolves in the context of Russian culture was published.

This paper examines some cases of wolf attacks on the roads recorded by written sources. The sources are the memoir texts, as well as archival documents that contain descriptions of such attacks. In addition, the damage from wolves was recorded by statistics, which by the middle of the 19th century was already available in most provinces of the Russian Empire. The paper uses specific materials related to the Vyatka region and the wider northern territories of European Russia). These data relate mainly to the 19th and the first half of the 20th century, when the traditional way of life (and the traditional means of transportation) was largely preserved in rural areas. On the other hand, then was already a good opportunity to recognize, remember and record traffic incidents and aggressive attacks.

In the north of the European part of Russia, where roads ran through sparsely populated places and vast forests, there were many aggressive wolves. Despite the inaccuracies of statistical data and memoir descriptions, it can be argued that the attacks by predators on the roads actually occurred quite often. Children and teenagers suffered the most. Some locals (for example, coachmen) were adapted to this threat, knowing in which situations and when exactly wolves are dangerous, and when not so much. And for those travelers (foreigners and Russians) who were poorly oriented in the situation, the howling of wolves near the road made a very strong impression, and this was reflected in the texts that have now become historical sources. Wolves were dangerous with their usual behavior and even more so when they fell ill with rabies. The wolf threat has

constantly accompanied the daily life of millions of people in our country. Ordinary people perceived these predators mythologized. There were widespread beliefs about the invasion of wolves of a special appearance ("with manes") during the war years. Thus, a terrible predator was associated in the minds of people with a terrible time – exhausting, hungry, and bloody.

Keywords: road tradition, daily life, wolves, traffic, road incidents, memoirs, archival documents.

References

1. *Vasnev N. M. Materialy dlya ob'yasitel'nogo oblastnogo slovarya vyatskogo govora* [Materials for the explanatory regional dictionary of the Vyatka dialect]. Vyatka. Gubernia typ. 1907. 357 p.
2. *Gura A. V. Simvolika zivotnyh v slavyanskoj narodnoj tradicii* [Animal symbolism in the Slavic folk tradition]. M. Indrik. 1997. 912 p.
3. *Gura A. V., Levkievskaya E. E. Volkolak* [Volkolak] // *Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar'* – Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary / under the gen. ed. of N. I. Tolstoy. M. International relations. 1995. Vol. 1. Pp. 418–420.
4. *Dobrovolskij V. N. Sueverija otnositel'no volkov* [Superstitions concerning wolves] // *Etnograficheskoe obozrenie* – Ethnographic review. 1901. Book 51. No. 4. Pp. 135–136.
5. *Dubovcev V. A. Kak organizovat' priyut. [Kirovo-Chepeck] : Kirovo-Chepeck. filial OAO "Kirovskaya obl. tip."* [How to organize a shelter. [Kirovo-Chepetsk] : Kirovo-Chepetsk branch of JSC "Kirov region typ."] [2008]. 20 p.
6. *Episkop Serafim (Zvezdinskij) v Anosinoj pustyni* – Bishop Seraphim (Zvezdinsky) in the Anosino hermitage // *"Zhenskaya Optina" : materialy k letopisi Boriso-Glebskogo zhenskogo Anosina monastyrya* – "Female Optina" : materials of the annals of the Boris and Gleb women's Anosino monastery / comp. by S. Fomin and T. Fomina. M. Palomnik (Pilgrim). 1997. Pp. 397–411.
7. *Zagrebin A. Udmurtskaya ohota: k probleme transformacii idei i tehnologii* [Udmurt hunting: the transformation of ideas and technologies] // *Finno-ugrovedenie* – Finno-Ugric Studies. 2004. No. 1. Pp. 3–19.
8. *Zapiski knyazya Dmitriya Aleksandrovicha Obolenskogo* – Memoirs of Prince Dimitri Alexandrovich Obolensky. SPb. Nestor-Istoriya Publ. 2005. 504 p.
9. *Ivanov V. V. Volk* [Wolf] // *Mify narodov mira: enciklopediya* – Myths of the world: encyclopedia / chief ed. S. A. Tokarev. M. Sov. Encyclopedia. 1991. Vol. 1. p. 242.
10. *Kashneva T. B. Zemnaya korotka nasha pamyat'... Nevydumannaya povest'* [Our earthly memory is short ... A non-fictional story]. Tallinn. Alexandra. 1993. 224 p.
11. *Kolbas V. S., Zinov'ev A. P. "Skazaniya" inostrancev XVI–XVII vekov ob Urale : sb. st.* ["Tales" of foreigners of the 16th–17th centuries about the Urals : collection of art.] Perm. [without publisher]. 1998. 51 p.
12. *Kornilij, mitr. of Tallinn and all Estonia. O moem puti* [About my way]. Tallinn. [without publisher]. 2009. 256 p.
13. *Korshunkov V. A. Dorozhnaya tradiciya Rossii: pover'ya, obychai, obryady* [Road tradition in Russia: rites, customs, and popular beliefs]. M. Forum. 2015. 240 p.
14. *Korshunkov V. A. Put' skvoz' veka i zemli: dorozhnaya tradiciya Rossii* [Travel through time and space: the road tradition in Russia]. M. Redkaya Ptica (Rare Bird). 2020. 624 p.
15. *Korytin S. O lyudoedstve volkov* [About anthropophagy of wolves] // *Ohota i ohotnich'e hozyajstvo* – Hunt and hunting economy. 1990. No. 6. Pp. 6–7; No. 7. Pp. 12–14.
16. *Maksimov S. V. God na Severe* [A year in the North]. Arhangelsk. North-West book publ. 1984. 607 p.
17. *Mishin P. I. Obraz volka v magicheskikh praktikah belorusskogo Podvin'ya* [A wolf image in the magic practices of the Belarusian Dvina region] // *Belaruskae Padzvinne: vopyt, metodyka i vyniki palyavyh i mizhdyscyplinarnyh dasledavannyh. Elektronny zbornik navukovyh artykulaŭ IV mizhnarodnaj navukovaj kanferencyi da 50-goddzya Polackaga dzyarzhaj'naga ŭniversiteta* – Belarusian Dvina region: experience, methodology, and results of the field and interdisciplinary research. Electronic collection of scientific articles of the 4th International Scientific Conference to the 50th anniversary of Polotsk State University / ed. by I. Korsak. Navapolack. Polotsk State University. 2018. Pp. 281–289. Available at: <http://elib.psu.by:8080/handle/123456789/23096> (date accessed: 17.11.2021).
18. *Mishin P. I. Evolyuciya magiko-ritual'nyh praktik, svyazannyh s obrazom volka* [Evolution of magical and ritual practices associated with the image of the wolf] // *Vestnik Polockogo gos. universiteta. Seriya A: Gumanitarnye nauki* – Herald of the Polotsk State university. Series A: Humanities. 2005. No. 1. Pp. 55–61.
19. *Moroz A. B. Volk v yuzhnoslavyanskoj narodnoj kul'ture: chelovecheskoe i demonicheskoe* [Wolf in South Slavic folk culture: human and demonic] // *Mif i kul'tura: chelovek – ne-chelovek. Tez. konf. Noyabr' 1994 g.* – Myth and culture: human and not human. Thes. of conf. November 1994 / ed. board: L. A. Sofronova, L. N. Titova. M. Institute of Slavic and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences. 1994. Pp. 30–32.
20. *Moroz A. B. Grivastye volki v Kargopol'e* [Maned wolves in Kargopolye] // *Russkij Sever: po stranicam letopisi vekov Kargopol'ya : avtorskij sb. st.* – Russian North: through the pages of a Kargopolye's chronicle of centuries : authors' collection of art. / scient. ed. and comp. N. I. Reshetnikov. M. Partnership of researchers of Rus. North. 2014. Pp. 106–137.
21. *Oblastnoj slovar' vyatskih govorov* – Regional dictionary of Vyatka dialects. Kirov. LLC Publishing House "Raduga-PRESS". 2017. Is. 11 [Edited by Z. V. Smetanina]. 260 p.

22. Pavlov M. P. *Volk. 2-e izd., pererab. i dop.* [Wolf. 2nd ed., revised and add.] M. Agropromizdat. 1990. 351 p.
23. Podyukov I. A., Svalova E. N. *Obraz vojny v narodnom predstavlenii (po dialektnym i fol'klornym materialam Prikam'ya konca XX – nachala XXI v.)* [The image of war in the popular perception (based on the dialectal and folklore materials of the Kama region in the late 20th – early 21st centuries)] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya – Herald of Perm University. Series: Russian and foreign Philology.* 2013. Is. 3 (23). Pp. 17–27.
24. *Polesskie zagovory (v zapisyah 1970–1990-h gg.)* – The Polesia spells (in the records of the 1970s – 1990s / comp, prep. texts and comments by T. A. Agapkina, E. E. Levkievskaya, A. L. Toporkov. M. Indrik. 2003. 752 p.
25. Pomytkin I. M. *"Sladkaya" katorga (Mashinopis'). Kirovskij obl. kraevedcheskij muzej. Biblioteka. Materialy fol'klornogo fonda I. A. Mohireva. Papka 18 : Legendy, allegorii, pritchi. Predaniya, skazy, vospominaniya* ["Sweet" penal servitude (Typewriting). Kirov Region Museum of Local Lore. Library. Materials of I. A. the Mohirev's Folklore Fund. Folder 18 : Legends, allegories, parables. Legends, fairy tales, memories].
26. Pushkarev L. N. *Yurij Krizhanich: ocherk zhizni i tvorchestva* [Yuri Krizhanich: an essay on life and creativity]. M. Nauka (Science). 1984. 214 p.
27. *Rodnaya Vyatka : kraevedcheskij portal* – Native Vyatka : local history portal. Available at: <https://rodnaya-vyatka.ru/forum/91723> (date accessed: 17.11.2021).
28. Romanenko L. M. *Lyubov' s pervogo vzglyada : sb. rasskazov* [Love at first sight : collection of stories]. Kirov. Territorial body of the Federal Service of State Statistics on the Kirov region. 2010. 84 p.
29. Svin'in P. P. *Opisanie Bessarabskoj oblasti* [Description of the Bessarabian region] // *Stratum plus : mezhdunarodnyj zhurnal po arheologii i kul'turnoj antropologii* – Stratum plus : International Journal of Archaeology and Cultural Anthropology. 2001–2002. No. 6. Pp. 342–413.
30. Trushkova I. Yu. *Zhenshchina i muzhchina v tradicijnoj kul'ture russkikh Vyatskogo regiona: gendernye portrety* [Woman and man in the traditional culture of Russians of the Vyatka region: gender portraits]. M. VyatSU. 2009. 300 p.
31. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti* – Central State Archive of the Kirov region.
32. [Sholomov G. I.] *Povest' o perezhitom: moe sovetskoe detstvo v derevne Sholomy, Zuevskogo rajona, Kirovskoj oblasti. Ch. 1* [The story of the experience: my Soviet childhood in the village of Sholomy, Zuyevsky district, Kirov region. Part 1]. Available at: <https://rodnaya-vyatka.ru/blog/15633/133956> (date accessed: 14.11.2021).
33. Shchepanskaya T. B. *Kul'tura dorogi v russkoj miforitual'noj tradicii XIX–XX vv.* [Culture of the road in the Russian mythological tradition of the 19th – 20th centuries]. M. Indrik. 2003. 528 p.
34. Dunningan A. *Wolves* // *Encyclopedia of religion*. 2nd ed. / ed. in chief Lindsey Jones. Detroit [et al.] : Thomson Gale, 2005. Vol. 14. Pp. 9783–9785.
35. Helfant, Ian M. *That savage gaze: wolves in the nineteenth-century Russian imagination*. Boston, MA. : Academic Studies Press, 2018. XXVI + 174 p.
36. Kõiva M. *The wolf: human/non-human relations on the basis of etiologies and verbal communication* // *Folklore : electronic journal of folklore*. 2019. Vol. 77. p. 181–198. Available at: <http://www.folklore.ee/folk-lore/vol77/koiva.pdf> (date accessed: 30.12.2021). DOI: 10/7592/FEJF2019.77.koiva.
37. Mencej M. *Gospodar volkov v slovanski mitologiji*. Ljubljana : Oddelek za etnologijo in kulturno antropologijo, Filozofska fakulteta, Univerza v Ljubljane, 2001. 331 p.
38. Mencej M. *The werewolf as a religious and ethnic other in a Herzegovinian legend* // *Folklore : electronic journal of folklore*. 2019. Vol. 77. Pp. 91–114. Available at: <http://www.folklore.ee/folklore/vol77/mencej.pdf> (date accessed: 30.12.2021). DOI: 10/7592/FEJF2019.77.mencej.